

МОРАЛЬ И РЕЛИГИЯ

Дэниэл Деннет

**ЧЕЛОВЕК В
РЕЛИГИЯХ
МИРА**

Дэниел Деннет (род. 28 марта 1942, Бостон) — американский философ и когнитивист, профессор Университета Тафтса и содиректор университетского Центра когнитивных исследований. Его исследования лежат в сфере философии сознания, а также меметики — анализа эволюционных моделей передачи информации на основе концепции мемов¹, в рамках которого идеи рассматриваются как единицы культурной информации, распространяемые посредством научения и имитации. Последовательный материалист и сциентист, он развивает натуралистическую концепцию сознания, является одним из видных представителей “нового атеизма”, пытающегося опровергнуть базовые положения религии с помощью научных аргументов, и играет активную роль в движении “Brights”².

В 1996 году в книге “Darwin’s Dangerous Idea: Evolution and the Meanings of Life” (“Опасная идея Дарвина: эволюция и смысл жизни”) Деннет поставил вопрос об эволюционном объяснении возникновения морали. В 2006 году в книге “Breaking the spell: religion as natural Phenomenon” (“Разрушая чары: религия как природное явление”) он экстраполировал принцип эволюционного развития на культуру, публично усомнился в значении религии и, подчеркивая исходящие от нее в современном мире опасности, выступил с апологией атеизма. Книга делится на три части. В первой обосновывается новый атеистический проект, связанный с появлением новых возможностей изучения религии научными методами. Во второй возникновение и развитие религии объясняется с точки зрения эволюции и теории мемов. В третьей части анализируется взаимосвязь морали и религии и критически рассматриваются возможности религии в решении смысловых вопросов.

Вниманию читателей предлагается перевод десятой главы “Мораль и религия” из третьей части книги.

1. Делает ли нас религия нравственными?

Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе не хватает: пойдя, всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, взяв крест, последуй за Мною.

Марк 10: 21

Господь испытывает праведного, а нечестивого и любящего насилие ненавидит душа Его. На грешников прольет Он ловушки, огонь и серу; и ужасные бури — их доля из чаши.

Псалом 10: 5–6

¹ Подробнее об этом см., в частности: [1].

² Основанное в 2003 г.

движение сторонников

“натуралистического мировоззрения”,

свободного от религии, мистицизма

и других элементов сверхъестественного.

Ставит целью борьбу за право атеистов и

свободолюбивых повсеместно выражать свое

мнение и влиять на общественные процессы

в отличающемся крайней религиозностью

американском обществе. Название происходит от

английского слова “светлый” с коннотацией

“умный”, “сообразительный”. Первоначально сетевая

структура, из которой формировалось движение,

называлась “Сообществом Разума” (“Community of Reason”),

поэтому в дальнейшем слово “brights” как название

данного движения будет переводиться как “Разумные”.

Тем, кто, как и я, убежден, что человек в далеком будущем будет гораздо более совершенным существом, чем сейчас, невыносима мысль, что он и все другие живые существа обречены на полное уничтожение после такого долгого медленного прогресса. Для тех же, кто полностью признает бессмертие человеческой души, разрушение нашего мира не будет казаться столь ужасным.

Чарльз Дарвин. “Жизнь и письма”

Немусульмане слишком дорожат жизнью, это трусы, неспособные сражаться. Они не понимают, что после смерти будет жизнь. Вы не можете жить вечно, вы умрете. После смерти жизнь вечна. Если бы жизнь после смерти была океаном, ваша жизнь была бы только каплей в этом океане. Очень важно, чтобы Вы жили ради Аллаха, за это Вы будете вознаграждены после смерти.

Молодой моджахед из Пакистана, чьи слова процитированы Джессикой Стерн в книге “Террор во имя Божье”

Хорошие люди поступают хорошо, дурные люди — дурно. Но вот чтобы хорошие люди поступали дурно, — для этого уже нужна религия.

Стивен Вайнберг

Многие думают, что религии принадлежит главенствующая роль в поддержании нравственности: она ведь дает людям самый неоспоримый стимул творить добро: обещает за это вечное вознаграждение на небесах и (кому что нравится!) грозит вечным наказанием в аду всем, кто этого не делает. А без божественного кнута и пряника человеческая жизнь лишилась бы цели и люди шли бы на поводу у своих низменных желаний, нарушали обещания, изменяли мужьям и женам, пренебрегали своими обязанностями и мало ли что еще.

У этого аргумента сразу два недостатка, и оба они хорошо известны. Во-первых, утверждение это, похоже, не соответствует истине, и, во-вторых, данному факту можно только порадоваться, так как подобная мысль порочит саму природу человека.

Я не обнаружил никаких доказательств того, что те люди, религиозны они или нет, которые *не* верят в воздаяние на небесах и/или кару в аду, больше склонны убивать, насиловать, грабить или нарушать свои обещания, чем те, кто верит в это. В тюрьмах США процентное соотношение католиков, протестантов, иудеев, мусульман и всех остальных, в том числе и людей, не исповедующих никакой религии, среди заключенных примерно такое же, что и среди населения в целом. Среди “Разумных” и других людей, не исповедующих никакой религии, можно наблюдать такой же разброс нравственных качеств — от морального совершенства до низости, — что и у “возродившихся в веру” христиан

(так называют себя люди, пришедшие к евангелическому христианству под влиянием особого религиозного опыта). Что еще важнее, ту же картину демонстрируют приверженцы религий, никак не акцентирующих или даже прямо отрицающих связь между моральным поведением “на земле” и возможным посмертным воздаянием. А если говорить о “семейных ценностях”, то имеющиеся на сегодня данные подтверждают гипотезу, что у “Разумных” процент разводов самый низкий в США, а у “возродившихся в вере” христиан, напротив, самый высокий [3]. Понятно, что этот результат так сильно ударил по претензиям верующих на моральное превосходство, что религиозные организации бросились проводить множество исследований с целью опровергнуть его. До сих пор ни о каких впечатляющих результатах так и не сообщали, и исследователи не приблизились к консенсусу, но можно не сомневаться: если существует какая-то значимая позитивная корреляция между моральным поведением, с одной стороны, и религиозной принадлежностью, религиозными убеждениями или исповедованием религии, — с другой, то вскоре она будет обнаружена. Ведь очень многие религиозные организации стремятся подтвердить свои привычные мнения на этот счет данными науки. (Они ведь полностью доверяют возможностям науки в деле поиска истины, если только наука подтверждает то, во что они и так верят.) И каждый месяц, не приносящий доказательств, усиливает подозрения, что никакой связи между нравственностью и религиозными убеждениями просто нет.

Понятно, почему верующим хотелось бы изобрести доказательства благотворного воздействия веры в рай и ад. Ведь хорошо известны свидетельства в пользу противоположной гипотезы — о том, что вера в воздаяние на небесах может порой толкать на поистине чудовищные деяния. Впрочем, и в религиозных общинах далеко не все порадовались бы доказательствам того, что вера в божью награду на небесах или кару в аду серьезно влияет на моральное поведение: многие считают такое представление о боге инфантильным, потворствующим незрелости и не способствующим развитию истинной моральной ответственности. Как отмечает Митчелл Силвер, Бог, который вознаграждает на небесах за добро, поразительно похож на героя популярной детской песенки “Санта Клаус приходит в город”. Бог, как и Санта, “...видит, когда ты спишь, знает, когда ты просыпаешься, Он знает, когда ты был плохим и хорошим”. И далее: “Так что, ради Бога, будь хорошим”. Броско, но логически — полный ляпсус. По логике, песенка должна была бы продолжиться: “так что будь хорошим ради электронных устройств, кукол, спортивных принадлежностей и других подарков, которые ты надеешься получить, но получишь, только если всезнающий Санта решит, что ты достоин этого подарка”. Если бы ты был хорошим ради Бога, то говорить о всевидящем Санте как о мотиваторе твоего хорошего поведения было бы бессмысленно [14].

Философы-моралисты от Юма и Канта до Ницше и далее, вплоть до наших дней, мало в чем соглашались между собой, но в одном они едины: все они считают, что связывать таким образом мораль с надеждой заполучить в награду “пирожок” — значит доводить рассуждение до абсурда. Это ловушка, попасть в которую может только самый неосмотрительный моралист. Многие религиозные мыслители соглашаются: доктрина, готовая зачесть в качестве благого намерения благоразумное желание человека рациональным образом обеспечить себе вечное блаженство по лучшей на рынке цене, может одержать сколько-то дешевых побед и привлечь сколько-то эгоистичных и прозаичных душ, на некоторое время склонив их к добру. Но по большому счету за это придется заплатить обесцениванием и обесмысливанием самого стремления к добру. Отсюда ирония, нередко звучавшая в адрес террористов, угнавших самолеты 11 сентября: подлинной их целью было наслаждаться на небесах с семьдесятю двумя девственницами (на каждого), которых им предстояло заполучить в награду за мученичество.

Можно не признавать религию основой нашей сегодняшней морали, но все же ей следует отдать должное за ее основополагающую роль в прошлом. Так отбрасывают лестницу, по которой уже поднялись в нужное место. Как это работает? Экономист Томас Шеллинг отмечает: “Вера в божество, которое вознаграждает добро и наказывает зло, превращает многие ситуации из субъективно вероятных в гарантированные — по крайней мере, в сознании верующего” (цит. по: [12, р. 16]). Рассмотрим ситуацию, в которой обе стороны заинтересованы в сотрудничестве, но каждая боится, что другая нарушит договоренность, а никакой власти или более сильной третьей стороны, гарантирующей выполнение договоренности, нет. Можно давать обещания, а затем нарушать их, но в определенных случаях исполнение может быть гарантировано. Так, можно рассчитывать, что обязательство будет выполнено, если оно является самопринуждающим: например, можно отрезать себе пути к отступлению таким образом, что, даже если твое мнение впоследствии изменится, избежать выполнения обязательства уже не удастся. Или выполнение тобою обязательства может гарантироваться тем обстоятельством, что сохранить репутацию для тебя важнее. У тебя могут иметься веские причины выполнить свою часть договора даже в том случае, когда причин, побудивших тебя заключить его, уже не существует, просто потому, что на карту поставлена твоя репутация, а это ведь тоже ценный социальный ресурс. Или — и это для Шеллинга особенно важно — обещание “пред лицом Бога” вполне может убедить верующих в этого Бога в открытии своего рода виртуального условно-депозитного счета³, обеспечивающего защиту обеим сторонам и позволяющего им не опасаться, что другая сторона не выполнит своих обязательств.

Рассмотрим текущую ситуацию в послесаддамовском Ираке, где силы безопасности, как предполагается, выступают в качестве

³ Доверительный счет, открываемый у третьего лица и предназначенный для хранения средств одной из сторон договора и для перечисления этих средств в пользу другой стороны при наступлении тех или иных условий; обычно это счет, на который при подписании контракта перечисляются средства как гарантия будущего платежа.

ве лесов для строительства дееспособного общества. Возможно, это и сработало бы на первых порах, если бы силы безопасности были достаточно многочисленны, хорошо обучены и использовались для того, чтобы ободрить людей и внушить им уверенность, не прибегая к оружию. Однако малочисленность этих сил подорвала доверие к миротворцам, и был запущен самоподдерживающийся и самоусиливающийся механизм насилия. Как теперь вырваться из этой спирали насилия? Трудно сказать. Если миру повезет, то введенная в стране дефектная и хрупкая демократия все же сумеет оторваться от своих истоков, подточенных коррупцией и насилием, сколь бы безнадежным ни выглядело сегодня положение дел. У несостоятельных государств есть свои возможности продлить существование, затягивая страдания собственного населения и опасности для соседних стран. Когда-то уже *самой по себе идеи* надзирающего Бога бывало достаточно, чтобы хаотичные неуправляемые массы населения “стягивали” себя узами дееспособного государственного механизма с таким уровнем законности и правопорядка, который позволял доверять надежности обещаний. Только в таком климате доверия и могут процветать инвестиции, торговля, свободное перемещение людей и товаров и прочие вещи, которые мы считаем само собой разумеющимся в дееспособном обществе. Подобный мем легко может разрушиться, если доверие к нему пошатнется. Точно так же и положение оккупационных сил в Ираке зависит от весьма проблематичного доверия к их эффективности. Понятно, для чего вводятся механизмы подавления сомнений (это может быть и доверие к слепым силам культурного отбора, как, вероятно, и доверие к самим властям).

Сегодня, когда в современных демократических государствах нормы взаимного доверия надежно утвердились вне связи с общераспространенными религиозными верованиями, агрессивная защита религии от разъедающих сомнений выглядит рудиментом — чем-то вроде ископаемых остатков древней эпохи. Мы больше не нуждаемся в Боге-полицейском, чтобы создать обстановку, в которой можно давать обещания и на этой основе вести мирские дела, но Он продолжает жить в текстах присяги и в воображении многих, кто испуган перспективой отказа от религии.

Но вознаграждение на небесах — не единственный и, конечно, не самый вдохновляющий мотив в религиозной доктрине. Наблюдающего за нами Бога следует воспринимать не как ведущего список Санта Клауса или оруэлловского Большого Брата, а как героя, как “ролевой образец” — если пользоваться сегодняшней терминологией; как кого-то, кому следует подражать, а не бояться. Если Бог справедлив, милосерден, исполнен прощения и любви и если он — самое замечательное Существо, которое мы можем вообразить, то и любой, кто любит Бога, должен стремиться быть справедливым и милосердным, прощать и любить *ради Бога*, который есть добро. Неясности из-за сме-

шения этих двух совершенно различных мотиваций, исходящих из идеи бога, — еще одна потеря от той завесы неосознанного поклонения, которая традиционно застилает наш взгляд на религиозные предметы.

Но, может быть, все же не стоит слишком пристально вглядываться в эти тонкие различия между доктринами? Зачем создавать никому не нужные расколы? Незачем раскачивать лодку. Ведь то, что все религии выстраивают социальную инфраструктуру, помогающую формировать и сохранять моральное единение, — общепризнанный факт. И разве не очевидно, что их роль в оформлении и укреплении благих намерений куда важнее непоследовательности и несвязности, вызванной противоречиями между их положениями (к тому же лишь некоторыми положениями)? Может быть, отвлекаться на мелкие догматические противоречия в то время, когда перед нами непочатый край работы по изменению мира к лучшему, — значит впасть в глупый, не имеющий моральных оправданий перфекционизм?

Утверждение выглядит достаточно убедительным, но страдает одним недостатком: оно само открыто и очевидно обесценивает себя, будучи равнозначным признанию того, что “мы, конечно, хороши, но не совершенны, и у нас есть дела поважнее, чем наводить порядок в наших устоях” — а подобная скромность мало совместима с непреодолимо соблазнительным для всех религий притязанием на чистоту. К тому же любые такого рода отступления от Абсолюта грозят подорвать главный психологический источник той самой организующей силы, которую признают за религией. И даже если сегодняшние воины веры слишком искушены и умудрены, чтобы ожидать, что Бог по их молитве остановит пули в воздухе, но вера в *абсолютную* непреложность их дела может быть решающим фактором в создании спокойствия, с каким идут в бой по-настоящему боеспособные солдаты. Как говорил Уильям Джеймс: «Всякий, кто не только произносит “Да исполнится воля Божья”, но и испытывает такие чувства, защищен броней против любой слабости, и всё множество мучеников, миссионеров и религиозных реформаторов в истории — яркое свидетельство того непоколебимого спокойствия перед лицом самых волнующих и тяжелых обстоятельств, которое дают нам самоотречение и предание себя высшей воле» [10, р. 285].

Однако это героическое состояние духа плохо вяжется с мирской неприязательностью. Многие думают, что из религиозных фанатиков действительно получаются самые надежные солдаты, но мы вправе усомниться в правоте Джеймса, продолжающего, ссылаясь на “одного здравомыслящего австрийского офицера”: “Для армии куда лучше быть слишком дикой, слишком жестокой, слишком варварской, чем излишне чувствительной и по-человечески рассудительной” [ibid, р. 366]. Могут ли нерелигиозные войска, мотивированные в основном любовью к свободе или демократии, а не к Богу (или Аллаху), сохранить

надежность и, следовательно, эффективно и с минимумом кровопролития противостоять армии фанатиков? Вот нравственно актуальный вопрос, заслуживающий тщательного эмпирического исследования: если мы не знаем ответа, то один лишь страх может заставить нас воспитывать свои войска в духе варварства. Но, чтобы ответить на него, необходимы исследования, которые потребуют сочетания храбрости, мудрого планирования, а может быть, и удачи. Однако альтернатива выглядит еще мрачнее: увековечивание фатальной спирали “праведных” войн, где обманутые молодые люди бьются насмерть в сражениях с непредсказуемым исходом, а посылающие их в бой лидеры сами не верят мифам, вдохновляющим этих молодых людей рисковать жизнью. Как говорит Великий Инквизитор в “Братьях Карамазовых”, “...за гробом они не найдут ничего, кроме смерти. Но мы сохраним секрет, и для их счастья мы очаруем их вознаграждением небес и вечностью”.

Еще один соблазн для фанатика (и, быть может, более сильный мотиватор, чем перспектива небесного воздаяния) — это *лицензия на убийство* (если вспомнить чересчур привлекательную фантазию Яна Флеминга об официальном статусе Джеймса Бонда). Возможно, на свете есть просто кровожадные люди или искатели острых ощущений, и, поскольку наши обычаи становятся все более цивилизованными и все меньше допускают насилие, таким людям очень нужно примкнуть к какому-то делу, способному дать “моральное” оправдание их сумасбродному хулиганству. Таким делом может быть “освобождение” лабораторных животных (чья последующая судьба, кажется, не слишком заботит активистов); взрыв бомбы в Оклахома-Сити в отместку за действия сил безопасности в Руби Ридж; убийство врачей, делающих аборт; посылки с вирусом сибирской язвы “творящим зло” федеральным служащим; убийство невинного человека под покрытием фетвы; достижение мученичества в джихаде или превращение в вооруженного до зубов “поселенца” на Западном берегу Иордана. Религия может и не быть первопричиной этого опасного стремления — возможно, для приумножения числа молодых людей, решающих пойти этим путем, куда важнее вдохновленное Голливудом стремление прожить рискованную, полную приключений и, следовательно, “имеющую смысл” жизнь. Но религии, безусловно, — самый плодоносный источник необходимых для такого фанатизма “моральных ориентиров” и “абсолютов”. И хотя люди, умеющие “различать оттенки серого”, обычно не способны находить себе оправдание для совершения собственных преступлений, они, увы, всегда готовы усмотреть в глубокой религиозности важное смягчающее обстоятельство при вынесении наказания за преступление, совершенное другими. Можно ожидать, что ситуация быстро изменится, если привлечь к подобному положению дел достаточное общественное внимание. Когда-то мы и пьяных считали не вполне ответственными за свои действия — они ведь были слишком

пьяны, чтобы понимать, что делают. Но теперь мы считаем их ответственными в полной мере — как и барменов, которые им наливали. Нужно объяснять людям, что и религиозное опьянение точно так же не является оправданием.

2. Придает ли религия смысл вашей жизни?

Марионетка в руках богов — трагическая фигура, марионетка, управляемая собственными хромосомами — всего лишь нелепость.

Артур Кестлер. “Лунатики”.

О-о-о-о, Мактавиш мертв и его брат не знает об этом;
Его брат умер, и Мактавиш не знает об этом.
Они оба мертвы, и они в одной постели,
И ни один не знает, что другой мертв!

Слова джиги “Ирландская прачка”

По данным опросов общественного мнения по всему миру большинство людей считает, что религия играет в их жизни очень большую роль (см., например, веб-сайт Pew Research Center, <http://people-press.org/>). Многие могли бы сказать, что без религии их жизнь лишилась бы смысла. Заманчиво было бы поймать их на слове, заявить, что в таком случае больше сказать уже нечего, и умыть руки. Кому же захочется мешать чему-то, что придает жизни смысл? Но в этом случае мы сознательно игнорируем серьезные вопросы. Может ли *какая бы то ни было* религия придать жизни такой смысл, который следует чтить и уважать? А как насчет людей, которые попадают в лапы лидеров культов или становятся жертвой обмана, отдав мошенникам от религии все свои сбережения? Остается ли их жизнь исполненной смысла при том, что их конкретная “религия” — мошенничество?

В вышедшем в 1972 году документальном фильме “Марджо” о проповеднике-мошеннике Марджо Гортнере показано, как бедняки выкладывают в блюдо для пожертвований все содержимое своих кошельков. В их глазах блестят слезы радости: они исполнены воодушевления, получая “спасение” из рук этого харизматичного обманщика. С тех самых пор, как фильм вышел на экраны, меня преследует вопрос: кто же больше заслуживает осуждения: Марджо Гортнер, который лжет этим людям, чтобы выманить у них деньги, или создатели фильма, которые разблачают эту ложь (при активном участии самого Гортнера) и отнимают у хороших людей смысл жизни, который, как они думали, они нашли? Разве то, что получили эти люди, не стоило отданных ими денег и разве не оставалась у них эта ценность до тех пор, пока не пришли документалисты с их фильмом? Взглянем на их жизни (детали, которых нет в фильме, я домысливаю). Сэм бросил среднюю школу, работает на заправочной станции на перекрестке и надеется когда-нибудь купить себе мотоцикл;

он болеет за “Далласских ковбоев” и любит хлебнуть пива, следя за игрой по телевизору. Люсиль, которая никогда не была замужем, работает в ночную смену на выкладке товаров в местном супермаркете и живет в том же скромном домике, где жила с детства, заботясь о престарелой матери; они вместе смотрят мыльные оперы. Ни Сэму, ни Люсиль, ни большинству других в их блаженном сообществе не светят никакие захватывающие приключения или рискованные предприятия. Зато теперь у них есть прямая связь с Иисусом, и они спасены во веки и занимают достойное место среди возлюбленных членов общины возродившихся в вере. Они перевернули новую страницу своей жизни на драматичнейшей из церемоний и теперь, обновленные и духовно возвысившиеся, другими глазами смотрят на свою жизнь, во всех прочих отношениях обыденную и тоскливую. Теперь их жизни стали историями, которые сами себя рассказывают, и превратились в главу в Величайшей Из Когда-Либо Рассказанных Историй. Можете вы вообразить что-нибудь хоть отдаленно столь же ценное, что они могли бы купить на те выложенные ими на блюдо для пожертвований двадцатидолларовые купюры?

Конечно, — слышу я ответ. — Они могли бы пожертвовать свои деньги честной религии, которая использовала бы их пожертвования для того, чтобы действительно помочь тем, кому еще тяжелее. Или присоединиться к какой-нибудь светской организации, в которой их свободное время, энергия и деньги были бы направлены на реальное исправление тех или иных бед этого мира. Ведь, возможно, большая часть тяжелой работы на большей части Америки ложится на плечи религиозных общин именно потому, что люди действительно хотят помочь другим, а светские организации не выдерживают конкуренции с религиями за преданность простых людей. Все это, действительно, важно, но это — самая легкая часть ответа, а трудная часть, до которой эти рассуждения не добираются, состоит в другом: что же делать с теми, кто был обманут? Оставить их в утешительных иллюзиях или открыть им глаза? В конце концов, я (пока) пришел к выводу, что Марджо Гортнер и сотрудничавшие с ним киношники оказали обществу немалую услугу, несмотря на всю боль и унижение, которые фильм принес множеству ни в чем не повинных людей. Впрочем, не исключено, что более подробная информация или просто дальнейшие размышления о том, что я уже знаю, могут заставить меня изменить мнение.

Такие дилеммы слишком хорошо известны, хотя и в несколько ином контексте. Нужно ли сообщать милой старушке в доме престарелых о том, что ее сына посадили в тюрьму? Должен ли неуклюжий двенадцатилетний мальчик, которого оставили в бейсбольной команде, узнать о том, что это родители убедили тренера не выгонять его? При том, что масса моральных дилемм вызывает самые ожесточенные споры, мы все, кажется, согласны с тем, что жестоко и дурно лишать человека иллюзий,

помогающих жить, если только сами эти иллюзии не являются причиной еще большего зла. Разногласия начинаются, когда заходит вопрос о том, в чем же именно должно состоять это большее зло, — и тогда всё обоснование рассыпается в прах. Хранить что-то в тайне от людей для их же блага зачастую может быть мудрым решением, но достаточно всего одного человека, чтобы тайна раскрылась, а мнения о том, в каких случаях необходимо соблюдать осмотрительность, расходятся. В результате — лицемерие, ложь и отчаянные, но бесплодные попытки отвлечь внимание.

А что, если бы Марджо Гортнер сумел обманом направить для выполнения его грязной работы искренних евангелических проповедников? Изменила бы их личная невиновность что-то в данном уравнении и придала бы подлинный смысл жизням тех, чьи жертвования они вдохновляли и собирали? Да, собственно, разве не *все* евангелистские проповедники лгут так же, как Марджо Гортнер? Безусловно, мусульмане считают именно так, пусть даже они слишком осторожны, чтобы высказать это вслух. И католики считают, что иудеи точно так же введены в заблуждение, и протестанты думают, что католики тратят впустую свое время и энергию на ложную религию, и т.д. *Все* мусульмане? *Все* католики? *Все* протестанты? *Все* иудеи? Конечно, нет. В каждой конфессии существует болтливое меньшинство, которое нет-нет да проговаривается, как это произошло с кинозвездой-католиком Мэлом Гибсоном, у которого Питер Бойер взял интервью для журнала “The New Yorker”. Интервьюер спросил актера, отказано ли протестантам в вечном спасении. “Нет никакого спасения для тех, кто вне церкви, — ответил Гибсон. — Я уверен в этом”. И тут же пояснил: “Вот посмотрите. Моя жена — святая. Она намного лучше меня. Честное слово. Она принадлежит к англиканской вере, приверженец епископальной церкви. Она молится, верит в Бога, она познала Иисуса, верит в это. И будет просто несправедливо, если для нее не будет спасения, — ведь не будь она протестанткой, она была бы лучше меня. Но так провозглашают с кафедры. Я следую этому” [4].

Подобные замечания вызывают сильное смущение у двух групп католиков: у тех, кто думает так же, но считает, что такие мысли лучше держать при себе, и тех, кто не верит им вообще, независимо от того, что могут провозглашать “с кафедры”. И какая из двух групп более многочисленна или более влиятельна? Никто этого не знает и сегодня не может узнать.

Так же неизвестно, сколько мусульман искренне верит, что все неверные и особенно отступники от ислама, заслуживают смерти, как совершенно определенно утверждается в Коране (4:89). Йоханнес Янсен, правда, утверждает, что в прежние времена иудаизм (см.: Второзаконие 18:20) и христианство (см.: Деяния 3:23) также расценивали вероотступничество как преступление, караемое смертной казнью, но ислам с его неспособностью решительно отказаться от этих варварских убеждений стоит

особняком в ряду авраамических религий [11, р. 23] Коран не предписывает в явном виде убийство отступников, но в хадисах (повествованиях о жизни Пророка) такое предписание, безусловно, содержится. Я *предполагаю*, что большинство мусульман вполне искренне настаивают, что не следует обращать внимания на предписание хадисов об убийстве отступников. Но то очевидное обстоятельство, что в исламском мире боязнь показаться отступником выступает главным побудительным мотивом действий, мягко говоря, не подкрепляет подобные утверждения. Как замечает Янсен, “в Мекке или Каире не может быть никаких Харе Кришна или Шри Багвана, никакой саентологии, мормонизма или трансцендентальной медитации. В исламском мире религиозное возрождение должно держаться подальше от всего, что хоть как-то предполагает или позволяет предположить отступничество” [там же, р. 88–89]. Так что гадать остается не только нам, чужакам. Даже мусульмане “внутри себя” [намек на название и рефрен популярной песни группы “Дотри”. — *Перев.*] не имеют понятия о том, что же мусульмане думают о вероотступничестве. Однако рискнуть из-за этого своей жизнью они по большей части не решатся, а ведь это — главный признак веры.

Таким образом, мы видим другую сторону эпистемологической проблемы, с которой столкнулись ранее, — проблемы веры в веру. В предыдущих главах мы обнаружили, что почти невозможно отличить тех, кто действительно верит в Бога, от тех, кто просто верит в веру, так как интересующие нас верования обычно лежат вне мира действий. Теперь мы видим, что одна из причин такой постоянной маскировки убеждений — стремление избежать (или, по крайней мере, отсрочить) конфликт между противоречащими друг другу убеждениями, которые в противном случае обязали бы верующих проявлять куда большую нетерпимость, чем хочется большинству людей *сегодня*. (Всегда стоит напоминать себе, что еще не так давно в самых “цивилизованных” частях христианской Европы людей за ереси и отступничество отлучали, запрещая любое общение с ними, пытали и даже казнили.)

Так какова же сегодня наиболее распространенная позиция тех, кто называет себя религиозными, но решительно поддерживает толерантность? Существуют три основных варианта, начиная с лицемерного макиавеллистского: по соображениям политической стратегии еще рано откровенно заявлять о нашем религиозном превосходстве, поэтому не нужно спешить: не станем будить лихо и будем надеяться, что иноверцы со временем без конфликтов придут в истинную веру (1);

Промежуточный: действительная терпимость в духе Эйзенхауэровского “Наше правительство не имеет никакого смысла, если не основано на глубокой религиозной вере, и неважно на какой”. Действительно, не имеет значения, какой религии вы присягнули на верность, пока у вас есть какая-то религия (2);

Еще более мягкое, в духе “благожелательного пренебрежения” сенатора Д. Мойнихана: религия слишком дорога слишком многим людям, чтобы думать отказаться от нее, даже если она — лишь пустой пережиток прошлого; мы можем позволить себе сохранять ее до тех пор, пока в каком-то отдаленном и непрогнозируемом будущем она тихо не угаснет сама (3).

Бесполезно спрашивать людей, какой из этих вариантов они предпочитают. Оба крайних варианта настолько бестактны в своей прямолинейности, что можно предсказать заранее: большинство выберет какие-то версии экуменической терпимости независимо от того, верит ли в них на самом деле. (Точно так же, как моя подрывная гипотеза о Киме Филби вызвала вполне предсказуемые обвинения сэра Мориса Олдфилда.)

Мы сами себя загнали в ловушку лицемерия, и как из нее выбираться, неясно. Неужели с нами все происходит, как в тех семьях, где взрослые ради детей старательно выполняют все, чего требует вера в Санта Клауса, а дети притворяются, что все еще верят в Санта Клауса, чтобы не испортить удовольствие взрослых? Если бы только наша ситуация была столь же безвредной и даже комичной! Во взрослом мире религии люди умиряют и убивают, сторонники умеренных взглядов вынуждены молчать, запуганные непримиримостью радикальных приверженцев их собственных религий, многие люди боятся признаться, во что на самом деле верят, чтобы не разбить сердце любимой бабушке или не оскорбить соседей настолько, что тебя в лучшем случае выгонят из города.

Если в этом и состоит тот самый драгоценный смысл, которым великодушно наделяет нашу жизнь приверженность той или иной религии, — то, по-моему, дело того не стоит. Действительно ли это лучшее, на что мы способны? Разве не трагично, что столь многие во всем мире против воли вовлекаются в заговор молчания — потому ли, что, хотя они втайне и убеждены, что большинство людей в мире растрчивает свои жизни в заблуждениях, однако слишком добросердечны (или хитры), чтобы открыто сказать об этом, или же из-за тайной убежденности в том, что и их собственная религиозная традиция — такое же заблуждение, и опасений за свою безопасность в том случае, если открыто заявят об этом?

Но существуют ли какие-то альтернативы? Среди верующих есть люди умеренных взглядов. Они чтут традицию, в которой воспитаны, просто потому, что это *их* традиция; они готовы выступать в защиту элементов своей традиции просто потому, что на рынке идей кому-то нужно постоять за каждую традицию, пока мы не сможем разобраться, какая из них лучше, и остановиться на ней. Это походит на преданность спортивной команде — такая преданность то же может придавать жизни определенный смысл, если не воспринимать ее слишком серьезно. Я болею за “Рэд Сокс” просто потому, что вырос близ Бостона, и воспоминания об играх времен моего детства неизменно вызывают радость

у меня в душе. Я предан своей команде, но выбор объекта этой преданности не обусловлен какими-то объективными обстоятельствами, преданность моя весела и не вводит меня в заблуждение. “Рэд Сокс” не потому моя любимая команда, что они в самом деле лучшие, — напротив, они (для меня) “самые лучшие” потому, что они — моя команда. Я грелся в славе их победы в 2004 году (она, конечно же, была Самой Удивительной и Вдохновляющей Сагой), и если бы команда когда-нибудь ударила в грязь лицом, я не только был бы глубоко огорчен, но и *лично* стыдился, как будто и я имел к этому какое-то отношение. И, конечно, я и вправду имею к ней определенное отношение: ведь и мой крошечный личный вклад в океан местного энтузиазма и гордости поддерживает настроение игроков (как они всегда утверждают).

Это своего рода любовь, но не безумная любовь, которая заставляет людей лгать, мучить и убивать. Тем, кто чувствует вину, наблюдая “измену” традиции, к которой они привязаны, невзирая на ее недостатки, стоит задуматься над фактом, что усвоенная ими в юности “вечная” традиция, которой они так верны, в действительности сама — результат долгого развития и многочисленных корректировок, совершавшихся ее более ранними почитателями.

3. Что нам известно о священных ценностях?

Мы здесь, на Земле, для того, чтобы делать добро другим. Для чего здесь другие, я не знаю.

В.Х. Оден

Долгие годы и вас, и меня успокаивали, как детей, и говорили, что нет никаких простых ответов на сложные вопросы, лежащие за пределами нашего понимания. На самом деле простые ответы есть. Просто это совсем не легкие ответы.

Рональд Рейган, речь при вступлении в должность губернатора Калифорнии, январь 1977 г.

Если наш трайбализм когда-либо сменится более широкой и всеобъемлющей моральной самоидентификацией, наши религиозные верования больше не будут защищены от напора подлинных исследований и подлинной критики. Пора нам понять, что априорно принимать в качестве знания то, что на самом деле является лишь благочестивой надеждой, — разновидность зла. Когда убежденность возрастает в обратной пропорции к ее обоснованию, мы лишаемся самого основания человеческого сотрудничества.

Сэм Харрис. “Конец Веры”

Однако, чтобы занять подобную умеренную позицию, нужно перестать с такой силой держаться за абсолюты, которые, безусловно, составляют одну из главных приманок многих религиоз-

ных учений. Быть человеком моральным нелегко, а в наши дни, похоже, все труднее и труднее. Раньше считалось, что обычные люди не имеют возможности повлиять на большинство бед в мире: болезни, голод, войну. Нет ничего, что они могли бы сделать для этого, и так как “должен” подразумевает “могут”, люди могли с чистой совестью не беспокоиться о катастрофах на другой стороне земного шара, даже если знали о них, так как в любом случае были бессильны их предотвратить. Следование немногим простым, применимым в местном масштабе принципам, могло более или менее гарантировать, что твоя жизнь будет настолько добродетельной, насколько это вообще возможно. Но теперь это кончилось.

Благодаря развитию технологий почти каждый может сделать в тысячи раз больше, чем прежде, и наша моральная оценка не поспевает за переменами [5; 6]. Вы можете получить ребенка из пробирки или принять таблетку наутро и избежать появления ребенка; вы можете удовлетворить свои сексуальные потребности в уединении своей комнаты, загружая порнографию из Интернета; вы можете скачать свою любимую музыку бесплатно вместо того, чтобы покупать ее; вы можете держать свои деньги на секретных оффшорных банковских счетах и покупать акции сигаретных компаний, которые эксплуатируют нищающие страны Третьего мира; вы можете заложить минные поля, провезти контрабандой в чемодане ядерное оружие, сделать газ нервно-паралитического действия и с идеальной точностью сбрасывать “умные бомбы”. Вы также можете ежемесячно автоматически перечислять со своего банковского счета сто долларов, чтобы помочь получить образование десяти девочкам в мусульманской стране, которые иначе не научатся читать и писать; помочь сотне голодающих людей или дать медицинское обслуживание больным СПИДом в Африке. Вы можете использовать Интернет, чтобы организовать гражданский мониторинг экологических угроз или проверить честность и эффективность работы государственных чиновников, или для того, чтобы шпионить за соседями. Так, что же мы должны делать?

Столкнувшись с этими воистину почти неподдающимися анализу вопросами, вполне логично искать компактный набор простых ответов. Генри Луис Менкен как-то цинично заявил: “Для каждой сложной проблемы, есть простой ответ... и он неправильный”. Но, может быть, он был неправ! Возможно, одно Золотое правило или Десять Заповедей, или другой короткий список абсолютно не подлежащих обсуждению “Нужно и Нельзя” отлично разрешат все затруднения, нужно только выяснить, как их применять! Однако никто не станет отрицать, что далеко не очевидно, как именно интерпретировать любое из предпочитаемых правил или принципов, чтобы они подходили ко всем нашим затруднительным положениям. Как отмечает Скотт Атран, на заповедь “не убий” ссылаются как верующие противники смертной казни, так и ее верующие сторонники [2]. Принцип

неприкосновенности человеческой жизни звучит вдохновляюще ясно и абсолютно: каждая человеческая жизнь одинаково священна, одинаково неприкосновенна; как с королем в шахматах, ее нельзя оценить никакой ценой, кроме “бесконечной”, поскольку потерять ее — значит потерять все. Но на самом деле мы все знаем, что жизнь — не шахматы и шахматами быть не может. Множество накладывающихся друг на друга “игр” разворачиваются одновременно. Что мы должны сделать, если под угрозой более чем одна человеческая жизнь? Если каждая жизнь бесконечно ценна и никакая жизнь не ценнее любой другой, то по какому принципу мы можем, например, выделять имеющиеся в ограниченном количестве почки для пересадки одним и отказывать в них другим? Современные технологии только усугубляют древние проблемы. Соломон перед лицом трудного выбора проявил редкостную мудрость, и каждая мать, у которой когда-либо не хватало еды для всех ее детей (уже не говоря о соседских детях), сталкивалась с тем, как трудно применять на практике принцип святости человеческой жизни.

Конечно, едва ли не каждому приходилось сталкиваться с моральной дилеммой и втайне желать: “Если бы только кто-то, кому я доверяю, просто сказал бы мне, что делать!”. Но не будет ли это аморальным? Разве мы не ответственны за принятие собственных моральных решений? Да, но достоинства принципа “сделай сам” при принятии моральных решений имеют свои пределы, и если после добросовестного рассмотрения вы решите, что ваше моральное решение — делегировать дальнейшие моральные решения в вашей жизни эксперту, пользующемуся вашим доверием, — то вы тем самым принимаете собственное моральное решение. Вы решили воспользоваться разделением труда, которое обеспечивает цивилизация, и получить помощь опытных специалистов.

Во всех других важных областях принятия решений мы приветствуем такой курс как самый разумный: не пытайтесь быть сами себе врачом, адвокатом и т.д. Даже в случае принятия политических решений, например, о том, как голосовать, можно многое сказать в защиту политики делегирования. Когда мы с женой идем на городское собрание, я знаю, что она изучила наши городские проблемы гораздо глубже, чем я, и, голосуя, обычно следую ее примеру, даже если не знаю в каждом случае ее мотивов. Обширный опыт дает мне уверенность, что, потратив мы время и силы на обсуждение вопроса, она убедила бы меня в своей правоте. Нарушаю ли я тем самым обязанности гражданина? Я так не думаю, но все дело в том, что у меня есть самые серьезные основания доверять ее суждению. Любви для этого недостаточно. Именно поэтому те, у кого есть безусловная вера в правоту морального учения их религии, представляют собой проблему: если человек сознательно и самостоятельно не обдумал вопрос, достойны ли его пасторы, священники, раввины или имамы того, чтобы делегировать им полномочия распоря-

жаться его жизнью, — то его личная моральная позиция, действительно, безнравственна.

Это, пожалуй, самый шокирующий вывод моего исследования, и я не уклоняюсь от него, пусть даже он способен оскорбить многих, кто считает себя глубоко моральными людьми. Принимать без всяких вопросов моральное учение собственной религии просто потому, что это слово Божие (всегда истолковываемое специалистами, которым были делегированы соответствующие полномочия), считается делом в высшей степени достойным. Я же, напротив, утверждаю, что всякий, кто во всеулышание заявляет, что тот или иной пункт моральных убеждений не подлежит обсуждению, что он бесспорен просто потому, что это Слово Божие, или что так гласит Библия, или же потому, что “в это верят все мусульмане [индуисты, сикхи...], а я — мусульманин [индуист, сикх...]”, — с очевидностью лишает остальных людей возможности отнестись к его взглядам серьезно, выводит себя за рамки морального обсуждения и, сам того не понимая, не позволяет окружающим признать его мнение добросовестным и заслуживающим дальнейшего рассмотрения.

Обоснование такого взгляда просто и бесхитроно. Предположим, у меня есть друг Фред, который (по моему тщательно обдуманному мнению) *всегда прав*. Если я скажу вам, что я против исследования стволовых клеток, потому что “мой друг Фред говорит, что это дурно, и все тут”, вы просто посмотрите на меня так, как будто я просто не понимаю, о чем идет разговор. Ведь предполагается, что мы обсуждаем обоснования и аргументы, а никаких аргументов, которые я с чистой совестью мог бы считать приемлемыми для вас, я не привел. Предположим, что вы убеждены, что исследовать стволовые клетки дурно, потому что так сказал вам Бог. *Но даже если вы правы*, то есть, даже если Бог действительно существует и лично сказал вам, что исследовать стволовые клетки дурно, у вас нет разумных оснований ожидать от других людей, не разделяющих вашу веру и опыт, что те примут это в качестве доказательного аргумента. Занимая данную позицию, вы не ведете себя разумно. А если ваша вера столь сильна, что вы не можете поступить иначе (если только действительно не можете), — это просто означает, что вас невозможно убедить моральными аргументами и вы своего рода роботоподобный раб мема — такого мема, который вы сами неспособны оценить. И если вы ответите, что можете, но не собираетесь рассматривать аргументы за и против вашего убеждения (потому что это — слово Божие и даже рассматривать возможность его ошибочности было бы кощунством), вы признаете, что сознательно отказываетесь соблюдать минимальные условия рационального обсуждения. Так или иначе, ваши заявления о ваших глубоко укоренившихся взглядах — это неуместная поза, не часть решения, а часть самой проблемы, и нам, другим, придется поработать с вами, не щадя усилий.

Заметьте, сформулированная мною позиция не предполагает неуважения и не отрицает априори возможность того, что Бог указал вам истину. Если Бог говорит с вами, то часть *вашей* задачи — убеждать тех, с кем Бог (пока еще) не говорил, в том, что эта истина — именно то, во что им нужно верить. Если вы не желаете или не способны попытаться это сделать, то вы под видом демонстрации своей беспомощной любви на самом деле подводите вашего Бога. Вы можете отказаться от участия в дискуссии, если обязаны так поступить, — это ваше право, но тогда не ожидайте, что вашему мнению придадут какое-то значение сверх того, что можно обнаружить другими способами, и не вините нас, если мы вас “не поймем”.

Есть немало глубоко религиозных людей, готовых отстаивать свои убеждения перед судом рационального анализа вопроса и рациональной аргументации. Для таких людей мои замечания не создадут никаких проблем, кроме, разве, одной: нужно ли им следовать моему примеру и убеждать своих не столь рациональных единоверцев, что своей непримиримостью те лишь ухудшают положение своей религии. И это — одна из самых сложных моральных проблем, стоящих сегодня перед миром. В каждой религии, если не брать в расчет немногие воистину разрушительные культы, есть здравомыслящие экуменически настроенные люди, готовые разговаривать с людьми других вер или с неверующими, чтобы рассматривать моральные проблемы мира на рациональной основе. В июле 2004 года в Барселоне собрался четвертый Парламент мировых религий и на неделю объединил тысячи сторонников различных вер на общих семинарах, симпозиумах, пленарных заседаниях, концертах и богослужениях. Всем участникам предлагалось соблюдать следующие принципы:

Слушайте и пусть слушают вас так, чтобы все могли быть услышаны;

Говорите уважительно и пусть так же говорят с вами;

Создавайте и углубляйте взаимопонимание;

Узнайте чужую точку зрения и размышляйте над собственными взглядами,

и Откройте для себя новые идеи.

[“Пути к миру”, Программа парламента]

Красочное скопление по-разному одетых священников и гуру, монахинь и монахов, хоров и танцоров, которые дружно и уважительно слушали друг друга, выглядело очень трогательным, но эти благонамеренные и энергичные люди бывают поразительно неэффективны, когда им приходится сталкиваться с более радикальными членами их собственных конфессий. Часто они просто приходят в ужас от собственных единоверцев. Умеренные мусульмане до сих пор совершенно неспособны развернуть общественное мнение мусульман против вахабитов и других экстремистов, но и умеренные христиане, иудеи, индусты были некогда столь же неспособны про-

тивостоять возмутительным деяниям и требованиям своих радикалов.

Разумным приверженцам всех религий пора найти в себе мужество и твердость и покончить с традицией, выше всего ставящей беспомощную любовь к Богу. Она не заслуживает не только почтения, но даже прощения. Она постыдна. И наибольшего стыда заслуживают священники, раввины, имамы и другие эксперты, которые в ответ на искренние просьбы своей паствы о моральном руководстве прикрывают какой-нибудь “непогрешимой” (читай — “не подлежащей критике”) интерпретацией священных текстов свою неспособность обосновать свои взгляды на трудные вопросы. Одно дело, когда действующий из лучших побуждений обыватель, глубоко приверженный религиозной традиции, делегирует свои полномочия религиозным лидерам; но совсем другое дело, когда эти лидеры притворяются, что благодаря своему особому экспертному знанию находят в своей традиции правильные ответы неким способом, который можно только принять на веру и нельзя подвергать даже самому благожелательному критическому анализу.

В который раз приходится допустить, что эти уклончивые обоснования могут не иметь под собой никакой подоплеки. Другими словами, люди могут совершенно искренне верить, что любовь к Богу освобождает их от обязанности разбираться в причинах трудных для понимания повелений их возлюбленного Бога. Нет причин обвинять их в неискренности или хитрости, но признание искренности чьей-то веры еще не обязывает нас чтить саму эту веру. Такому верующему нужно сказать: “Есть только один способ проявить уважение к сути любого предписываемого Богом морального закона — добросовестно рассмотреть его в свете разума, используя все имеющиеся в нашем распоряжении данные. Бог, радующийся проявлениям нерассуждающей любви, не достоин поклонения”.

Вот вам загадка: что общего у вашей религии с плавательным бассейном? И вот ответ: и то, и другое юристы могли бы назвать “источником опасности, привлекательным для определенных категорий лиц”. Суть этого понятия примерно в следующем: люди, владеющие потенциально опасными объектами, способными привлечь детей, обязаны размещать предупреждения или принимать более решительные меры, чтобы защитить детей от этой опасности. Это является исключением из общей нормы, освобождающей владельцев недвижимости от обязанности защищать от возможного вреда лиц, без разрешения проникающих на их территорию. Самый известный пример такого рода опасностей — бассейны без ограждений, но к привлекательным источникам опасности могут относиться и старые холодильники с неснятыми дверями, разного рода механизмы, кучи строительных материалов или другие очень соблазнительные для маленьких детей объекты, по которым можно лазать. Владельцы недвижимости несут ответственность за причиненный вред, если на

принадлежащей им территории располагается нечто, способное привлечь невинных и неосведомленных людей и тем нанести им ущерб.

Тот, кто способствует привлекательности какой-то религии, должен нести ответственность, если люди, которых они привлекли и наделили покровом благоприличия и честности, приносят вред своими действиями. Защитники религии не устают подчеркивать, что террористы, как правило, преследуют не религиозные, а политические цели, и в большинстве случаев или даже во всех случаях это может быть правдой — но не всей правдой. Зачастую жестокие фанатики, руководствующиеся чисто политическими требованиями и задачами, рядятся в тогу поборников религиозных идей и используют организационную инфраструктуру религиозной общины и традицию беспрекословной верности любой религии, которая им для этого подходит. Такие фанатики, действительно, редко вдохновляются или руководствуются лучшими и самыми глубокими и принципами соответствующей религиозной традиции, если вообще когда-нибудь делают это. Ну и что? Это не освобождает ислам от ответственности за террористические акты Аль-Каиды и Хамаса, христианство — от ответственности за взрыв абортария, а индуизм — от ответственности за кровавые преступления индуистских экстремистов.

Как показывает Сэм Харрис в своей смелой книге [8], достойные усилия умеренных и экуменически настроенных приверженцев всех религий постоянно становятся жертвой жестокостью Уловки-22: их добрые дела обеспечивают маскировкой их фанатичных единоверцев, которые втихомолку их же и поносят за открытость и готовность к переменам, но в то же время охотно пользуются репутацией и связями в обществе, завоеванными той самой открытостью. Иными словами, во всех религиях фанатики используют умеренных в своих интересах. И эти последние не должны ограничиваться возмущением по этому поводу: им нужно принимать все меры, чтобы уменьшить фанатизм среди приверженцев своих религиозных традиций. Больше это сделать, скорее всего, некому — такая вот отвязывающая мысль.

Чтобы между исламом и Западом когда-нибудь мог установиться прочный мир (если такое вообще возможно), исламу придется пережить радикальную трансформацию. А чтобы эта трансформация могла быть приемлемой для мусульман, она должна происходить по их собственной инициативе. Не будет большим преувеличением сказать, что судьба цивилизации во многом находится в руках “умеренных” мусульман [ibid, p. 154].

На этих умеренных мусульман мы должны возложить всю ответственность за перемены в их религии. Но это означает, что точно так же мы должны считать умеренных христиан, иудеев и других ответственными за все эксцессы в рамках их традиций. И, как отмечает Джордж Лакофф, мы должны продемонстриро-

вать этим исламским лидерам, что слышим не только свои собственные голоса, но и их моральные требования.

Мы зависим от доброй воли и смелости умеренных исламских лидеров. Чтобы добиться ее, мы должны продемонстрировать и свою собственную добрую волю, начав самым серьезным образом бороться с социальными и политическими условиями, заставляющими людей впадать в отчаяние [13, р. 61].

Как же сорвать с безумных эксцессов их покров религиозной респектабельности? Частичным решением было бы превращение *религии как таковой* из “священной коровы” в “одну из достойных альтернатив”. Этому курсу, не слишком удачно для себя, следуют некоторые из нас, сторонников движения “разумных”: атеисты, агностики, вольнодумцы, светские гуманисты и другие, освободившиеся от конкретных религиозных пристрастий. Мы, “разумные”, хорошо осведомлены обо всем хорошем, что совершают религии, но предпочитаем заниматься благотворительностью и делать добрые дела через светские организации именно потому, что не хотим участвовать в укреплении репутации религии! Это позволяет нам не запятнать рук, но этого для нас недостаточно, как недостаточно для умеренных христиан просто не жертвовать деньги христианским антисемитским организациям или для умеренных иудеев — ограничивать свою благотворительность теми организациями, которые работают, чтобы обеспечить мирное сосуществование палестинцев и израильтян. Это неплохо для начала, но ведь нам предстоит масса неприятной и даже опасной работы — внутри своих собственных религиозных традиций лишать эксцессы их возвышенного ореола. И любой верующий, который не участвует в этой работе активно и публично, просто уклоняется от исполнения своего долга. И даже тот факт, что вы лично не принадлежите к той конкретной ветви вашей религии, которая допустила преступление, еще не снимает с вас ответственности: ведь привлекательным источником опасности являются сами христианство, ислам, иудаизм, индуизм, а не только какие-то их боковые ветви.

Например, любой опасный культ, маскирующийся христианскими образами или текстами, должен лежать на совести всех, кто называет себя христианами. Если священники, раввины, имамы и их паства явно и поименно не осуждают опасных лиц и общины в своих рядах, — все они являются их соучастниками. Я знаю много христиан, которые в частных разговорах говорят об отвращении ко многим словам и делам, произносимым и совершаемым “во имя Иисуса”, но ведь недостаточно выражать смятение и испуг в разговорах с близкими друзьями. В “Опасной идее Дарвина” я писал о храбрых мусульманах, которые осмелились публично выступить против пародии на фетву, вынесенной в адрес Салмана Рушди, автора “Сатанинских стихов”, приговоренного за ересь к смертной казни, и призывал: “Давайте объединим усилия с этими мусульманами, разделим нависшую над ними угрозу” (*Darwin’s Dangerous Idea*, р. 517). Но мы

и здесь натываемся на доводящую до отчаяния Уловку-22: если мы, немусульмане, объединимся с ними, мы запятнаем их в глазах многих мусульман как “марионеток врагов ислама”. Реально начать дискредитацию этого глубоко аморального отношения могут только сами члены религиозной общины, а мультикультуралисты, которые убеждают нас проявлять деликатность к сторонникам подобных взглядов, еще больше усугубляют проблему.

4. Господи, спаси мою душу!: духовность и эгоизм

Победил тот, у кого в момент смерти было больше всего игрушек.

Известный материалистический лозунг.

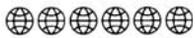
Да, у нас есть душа, но она состоит из огромного количества крошечных механизмов.

Мой собственный материалистический лозунг.

Рассмотрим два совершенно различных значения слова “материализм”. В наиболее распространенном повседневном значении оно относится к кому-то, кто заботится лишь о “материальном” имуществе, богатстве и всех его внешних признаках.

В научном или философском смысле оно обозначает теорию, которая стремится объяснять все явления без обращения к чему-либо нематериальному, вроде декартовской души, “эктоплазмы” или Бога. Стандартным антиподом материализма в научном смысле является дуализм, утверждающий, что есть две полностью различные субстанции: сознание и что-то еще, чем бы это ни было, из чего состоит сознание. *На первый взгляд*, мостик, связывающий эти два значения, достаточно очевиден: если вы считаете, что ваша душа не бессмертна и не верите в посмертное воздаяние, то в этом материальном мире вы можете делать все, что угодно. Если бы мы спросили, какое понятие противоположно материализму в повседневном смысле, то наши собеседники вполне могли бы выбрать “духовность”.

В процессе работы над этой книгой я столкнулся с одним широко распространенным мнением, хотя люди различных религиозных взглядов и формулировали его по-разному: человек испытывает глубокую потребность в духовном. У одних эту потребность удовлетворяют традиционные институционализованные религии, у других — культы New Age, какие-то движения или хобби, еще кто-то усиленно занимается изобразительным искусством или музыкой, керамикой, защитой окружающей среды — или интересуется футболом! Что меня поражает в этой восхитительно разносторонней и многогранной тяге к “духовности” — это то, что люди думают, будто знают, о чем говорят, хотя (или, возможно, именно потому что) никто не потрудился объяснить, что же он или она при этом имеет в виду. Предполагает-

ся, что это и так ясно. Однако на самом деле это не так. Когда я просил людей объяснить это, они, как правило, оправдывались в духе часто цитируемого ответа Луи Армстронга на вопрос “Что такое джаз?”: “Если вам нужно об этом спрашивать, то вам этого никогда не узнать”. Но этого недостаточно. Чтобы самим убедиться, как трудно определить, что же такое духовность, попробуйте улучшить эту пародию на определение, истрепавшуюся от множества набивших оскомину повторений: “Ну, духовность — это, типа, уделять внимание своей душе или руководствоваться глубокими мыслями, которые вас действительно могут взволновать, а не думать, там, у кого одежда лучше, стоит ли покупать новый автомобиль, что будет на ужин и тому подобное. Духовность — это значит всерьез заботиться о том, чтобы не быть, ну, знаете, *материалистом*”. В одном ряду с этим общим и нерелексивным представлением о духовности идет стереотип атеиста: у атеистов нет “ценностей”, им ни до чего нет дела, они эгоистичные, поверхностные, самонадеянные. Они думают, что все знают и при том они совершенно бездуховные. (Вы ведь не можете быть хорошим человеком, если у вас нет духовной жизни.)

Теперь я попытаюсь вложить в их уста что-то поинтереснее. Эти люди поняли одну из важнейших тайн жизни: нужно отпустить на волю свое “я”. Если вы сможете отнестись к сложностям мира, ко всему его великолепию и всем его ужасам, со скромным любопытством, признавая, что, как бы глубоко вы ни заглянули, все, что вам удалось, — это проникнуть взглядом под самую поверхность, — вы обнаружите миры внутри миров такой красоты, какую не могли прежде вообразить, и ваши повседневные заботы сожмутся до своего *истинного* масштаба — не такие уж значимые в более широкой системе вещей. Сохранить это благоговейное видение мира в повседневной жизни — задача не из легких, но она, безусловно, стоит усилий, поскольку если вы сможете сохранить концентрацию и ощущение причастности, делать трудный выбор окажется легче, нужные слова придут к вам в нужный момент и вы действительно станете лучше. Я полагаю, что в этом и состоит секрет духовности, и он не имеет ничего общего с верой в бессмертную душу или еще во что-либо сверхъестественное.

Психолог Николас Хамфри довольно подробно исследовал отношение между верой в “психическую силу” и повседневной моралью. Он отмечает, что почти все рассказывающие о паранормальном, об экстрасенсорном восприятии, ясновидении, разговорах с умершими друзьями и родственниками на спиритических сеансах “несут на себе печать ханжеского морального самодовольства, какой-то неприступной праведности” [9, р. 186]. Конечно, отчасти дело может объясняться тем, что обычно истории подобного рода относятся к самым эмоционально насыщенным областям жизни рассказывающих их людей. Но Хамфри предлагает другое объяснение: “...источки его

лежат в том, что является, пожалуй, одним из самых поразительных трюков злоупотребления доверием, которые сыграла с нами наша культура. Это должно было убедить людей в том, что вера в психическую силу тесно связана с такими человеческими качествами, как доброта, честность, прямота, порядочность...” Он ловко излагает лежащее на поверхности объяснение.

Независимо от того, получил ли человек какое-то религиозное воспитание, он привержен идее, что какая-то сверхъестественная фигура родителя следит за ним и заботится о нем. К такому заключению легко прийти потому, что и чувство справедливости, и моральное чувство убеждают: если такая фигура существует, то *не верить в нее* было бы проявлением крайней неблагодарности, и такими неблагодарными могут быть только самые испорченные дети. Но если неверующие чаще всего бывают испорченными, то естественно (хотя едва ли логично) предположить, что верующие совершенно безгрешны. Так или иначе, вера в этого сверхъестественного родителя сама становится мерой моральной оценки.... Абсурдный, но широко распространенный результат состоит в том, что каждая услышанная нами история о паранормальном автоматически предполагается достойной внимания и уважения” [ibid, p. 186–187].

Я пришел к выводу, что такое приравнивание “духовности” к моральному добру, а “материализма” — к моральному злу — это суровая реальность жизни, так глубоко укоренившаяся в нашей современной концептуальной схеме, что она стала господствующим настроением, с которым приходится бороться материалистической науке. Мы, материалисты, — плохие парни, а о верящих во что-либо сверхъестественное, какой бы глупостью и легковерием это конкретное убеждение ни страдало, можно сказать, по крайней мере, одну хорошую вещь: они “на стороне ангелов”.

Между прочим, эта знаменитая фраза родилась в Оксфордском союзе — дискуссионном клубе Оксфордского университета в 1864 году в речи Б. Дизраэли, в которой он отвечал на вызов дарвинизма: “Какой вопрос с безапелляционностью, небрежной и оттого вдвойне поразительной, поставлен ныне перед обществом? Вопрос таков: что есть человек — обезьяна или ангел? Милорд, я всецело на стороне ангелов”. У странного смешения моральной добродетели с отрицанием научного материализма долгая история. Нет никаких причин считать, что неверие в нематериальность души или в ее бессмертие должно сделать человека более равнодушным, менее моральным, не так сильно стремящимся к благу всех живущих на Земле, чем тот, кто верит в “дух”. Но разве не станет такой материалист заботиться лишь о *материальном* благе людей? Если понимать такое благо только как жилье, автомобиль, еду, как “физическое” здоровье в противовес “психическому”, — безусловно, нет. В конце концов, хороший научный материалист убежден, что психическое здоровье (духовное здоровье, если вам так нравится) — столь же физическое,

столь же материальное, как “телесное” здоровье. Хороший научный материалист может так же сильно беспокоиться о том, достаточно ли правосудия, любви, радости, красоты, политической свободы и, да, даже религиозной свободы, как и о том, достаточно ли, например, еды и одежды, так как все это — материальные блага, и некоторые важнее, чем другие. (Но только, ради бога, давайте постараемся как можно скорее дать еду и одежду всем, кто нуждается в них, ведь без них правосудие, искусство, музыка, гражданские права и остальное — что-то вроде насмешки.)

Это должно прояснить вполне понятную логическую путаницу. Но следует исправить и заблуждение фактического характера: многие “высокодуховные” люди жестоки, высокомерны, эгоцентричны, и им дела нет до моральных проблем мира. У общераспространенного смещения моральной добродетели с “духовностью” есть прескверный побочный эффект: оно позволяет огромному множеству людей уклоняться от жертв и добрых дел, прячась за невыразимо священной (и непроницаемой) маской благочестия и моральной глубины. Это не только лицемеры, хотя они всегда во множестве окружают нас. Многие люди вполне наивно и искренне полагают, что если они серьезно относятся к своим личным “духовным” потребностям, то они и ведут моральную жизнь. Я знаю много активистов, и религиозных, и светских, кто согласится со мной в том, что такие люди вводят себя в заблуждение. Сарказм Одена может поколебать нашу веру в очевидность императива помощи другим, но это, конечно, не дает оснований предположить, что ограничиваться заботой о своей собственной “душе” не есть эгоизм. Рассмотрим, например, тех предающихся созерцанию монахов, прежде всего в христианской и буддистской традиции, которые, в отличие от трудолюбивых монахинь в школах и больницах, посвящают большую часть своего бодрствования очищению собственной души, а остальное время предаются привычному им созерцательному образу жизни. Чем, собственно, они морально выше людей, посвящающих жизни пополнению своей коллекции марок или гольфу? Лучшее, что можно сказать о них: им удастся не попасть в неприятности.

Я не питаю никаких иллюзий насчет того, как трудно будет разрушить вековую презумпцию, заставляющую смешивать “дух” с “добром”. Если “командный дух” — это очевидно хорошо, то как же отрицание “духа” может не быть плохим? Даже глубоко в окопах когнитивной неврологии я нахожу раздражающие отзвуки и тени этого предубеждения: мы, “твердолобые” материалисты, вынуждены держать оборону против практически исчезающего ныне вида “мягкосердечных” дуалистов, которые, кажется (по крайней мере, дилетантам), могут претендовать на моральное превосходство просто потому, что все еще верят в нематериальность души. Это тяжелая борьба, но, возможно, дело пойдет лучше для нас, когда она будет вестись публично и открыто.

Но что можно сказать об этой жажде духовности, которую столь многие мои респонденты считают главной движущей силой религиозной преданности? Хорошая новость состоит в том, что люди действительно хотят быть хорошими. Верующие и “разумные” одинаково порицают грубый материализм (в обыденном смысле этого слова) массовой культуры и очень хотят не только наслаждаться красотой подлинной любви, но и донести эту радость до других. Возможно, в прошлом для большинства людей единственной доступной дорогой к этому была приверженность сверхъестественному и, в частности, к определенной институциональной религии, но сегодня можно говорить о множестве альтернативных магистралей и пешеходных дорожек.

Литература

1. *Медников Б.* Гены и мемы — субъекты эволюции // Человек. 1990. № 4.
2. *Atran S.* In Gods We Trust: The Evolutionary Landscape of Religion. Oxford Univ. Press, 2002. P. 253.
3. *Barna G.* Christians Are More Likely to Experience Divorce Than Are Non-Christians. Barna Research Group, 1999-DEC-21. Available at <http://www.barna.org/cgi-bin/>.
4. *Boyer P.J.* The Jesus War // The New Yorker. 2001. 15 Sept.
5. *Dennett D.* Information, Technology, and the Virtues of Ignorance // Daedalus: Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. 1986. Vol. 115. P. 135–153.
6. *Dennett D.* The Moral First Aid Manual // McMurrin S.M., ed. Tanner Lectures on Human Values. Vol. 8. Salt Lake City: Univ of Utah Press; Camb.: Cambridge Univ. Press, 1988. P. 119–147.
7. *Dennett D.* Darwin’s Dangerous Idea. N.Y.: Simon & Schuster, 1995.
8. *Harris S.* The End of Faith: Religion, Terrorism and the Future of Reason. N.Y.: Norton, 2004.
9. *Humphrey N.* Soul Searching: Human Nature and Supernatural Belief. L.: Chatto and Windus, 1995. P. 186.
10. *James W.* 1902. The Varieties of Religious Experience. N.Y.: Penguin, 1982.
11. *Jansen J. G.* The Dual Nature of Islamic Fundamentalism. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1997. P. 23.
12. *Nesse (ed.).* Evolution and the Capacity for Commitment N.Y.: Sage Press, 2001.
13. *Lakoff G.* Don’t Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. White River Junction, Vt.: Chelsea Green Publishing, 2004.
14. *Silver M.* An Optional God: Secular Reflections on New Jewish Theology. N.Y.: Fordham Univ. Press, 2006.
15. The Web site of the Pew Research Center.
16. *Weinberg S.* Facing Up: Science and Its Cultural Adversaries. Camb. (Mass.): Harvard Univ. Press, 2003.

© 2015 Перевод с английского
Е.Ю. ЧИСТЯКОВОЙ

© 2015 Penguin books

129